

ДИСКУССИИ

© Г. А. ИСАЧЕНКО

ЛАНДШАФТ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЬЮ И КОНСТРУКЦИЕЙ (размышления по поводу статьи Е. Ю. Колбовского)

Один действительный статский советник взглянул на красивый ландшафт и сказал: Какое чудесное отправление природы!

А. П. Чехов. Записные книжки

Покажи мне ландшафт, в котором ты живешь, и я скажу тебе, кто ты.

Х. Ортега-и-Гассет

Поступательное развитие науки не может происходить без периодической рефлексии и ревизии накопленных результатов, методов и базовых концепций. Периоды наиболее активного пересмотра основ (парадигм) характеризуются как кризисы, и в их результате наука, если не прекращает свое существование, то получает новые импульсы для развития. Сказанное в полной мере относится к отечественному ландшафтоведению, история которого насчитывает не менее 100 лет. Работы, предлагающие пересмотр некоторых основ («догм») учения о ландшафте, время от времени появляются как «внутри», так и «вне» научной дисциплины, и основная часть этих «ревизий» в конечном счете идет на пользу дальнейшему ее развитию.

Е. Ю. Колбовский в недавно опубликованной статье «Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена» [17] ставит задачу не только пересмотра базовых постулатов ландшафтоведения, но и «приспособления» их к задачам ландшафтного планирования, в котором давно и успешно работает. Нельзя не отдать должное широте взгляда автора, «пропускающего» ландшафтоведение через призмы философии естествознания, ландшафтной экологии, биогеоценологии, учения о структуре почвенного покрова, морфодинамического анализа рельефа и других научных направлений. Статья Е. Ю. Колбовского несомненно привлекла и еще привлечет внимание читателей «Известий РГО» своей эмоциональностью, которая иной раз выражается в сверхкатегоричных выводах, например, «все постулаты, лежащие в основе классического учения о природном ландшафте, сегодня подвергнуты

серьезному сомнению, опровергнуты полностью или частично в отраслевых науках, из которых они ... были заимствованы. В этом смысле можно утверждать, что классическое ландшафтоведение базируется на научных мифах» (с. 61).¹

Основные два «мифа», которые Е. Ю. Колбовский пытается развеять, — это существование природных (естественных, «правильных») ландшафтов и их естественной иерархии («габаритной таксономии»). Все остальные «постулаты», которые, по мнению автора, требуют пересмотра (объективность ландшафтных границ, наличие ведущих факторов формирования ландшафтов и др.), фактически выступают порождением двух названных выше «базисных» мифов. Рассмотрим их по отдельности.

Существует ли ландшафт без человека, как природное явление? На этот вопрос утвердительно и, можно сказать, на подсознательном уровне ответил один из чеховских героев, слова которого приведены в эпиграфе к этой статье. Е. Ю. Колбовский в доказательство собственной позиции обращается за подкреплением к традициям отечественной географии начала XX в., которые «предполагали вполне „европейское” прочтение и употребление термина: ландшафт как проявление взаимодействия этноса с приданным ему вариантом природы — *безусловный рукотворный* [курсив мой. — Г. И.] феномен, отличаемый, прежде всего, по своеобразием внешнего (пейзажного) облика. Именно в таком смысле воспринимали ландшафт [В. П.] Семенов-Тянь-Шанский, а впоследствии и Л. С. Берг» (с. 50).

Обратимся к упомянутым в статье работам классиков отечественной географии, давно уже разобранным на цитаты. Самое популярное определение ландшафта, воспроизводимое почти во всех теоретических работах и учебных руководствах по ландшафтоведению, принадлежит Л. С. Бергу: «...географический ландшафт есть такая совокупность, или группировка, предметов и явлений, в которой особенности рельефа, климата, вод, почвенного и растительного покрова и животного мира, а также, *до известной степени* [курсив мой. — Г. И.], деятельности человека сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении данной зоны Земли». И там же в примечании читаем: «Взаимодействие человека и прочих элементов ландшафта в большей степени обнаруживается в сфере с.-х. деятельности, чем в области промышленной» [5, с. 5]. Можно ли из этого определения сделать вывод о том, что человеческие произведения *всегда и везде* присутствуют в ландшафте? Среди различных примеров географических ландшафтов у Л. С. Берга указаны пески пустынной зоны, Среднесибирское плоскогорье, снеговая зона Тянь-Шаня [5, с. 6]: много ли в них «рукотворности» или хотя бы заметного присутствия человека?

В. П. Семенову-Тянь-Шанскому, который в своих работах талантливо объединял две ветви российской географии — естественную и общественную, принадлежит классификация ландшафтов (пейзажей) на *первобытные, полудикие, культурные, дичающие и одичавшие*. В этой классификации отражено соотношение природных и антропогенных процессов в формировании всего многообразия ландшафтов, и последний тип ландшафтов во многом приближается к первому именно «вследствие полного и длительного удаления человека с его культурой с данной территории» [25, с. 54—55]. Тысячи квадратных километров бывших сельскохозяйственных угодий Европейской Рос-

¹ Здесь и далее, если источник не указан, ссылки на страницы относятся к работе [17].

сии, ныне заросшие березой, серой ольхой, ивой и высокотравьем, — не лучшее ли доказательство того, что человек здесь полностью устранился из ландшафта и предоставил природе «делать свое дело»? И еще одно высказывание В. П. Семенова-Тян-Шанского из работы «Район и страна» будет не лишним в этом контексте: «Преобладающие сочетания известных геометрических линий и форм, их пропорции и естественная окраска и орнаментовка предметов составляют в совокупности *естественный географический стиль отдельных местностей*» [курсив мой. — Г. И.] [25, с. 265].

Представление о ландшафте как о «безусловно рукотворном» (даже не природно-рукотворном или рукотворно-природном!) феномене было бы простительно жителю Нидерландов или Дании, где найти что-либо незатронутое деятельностью человека (причем, как правило, осмысленной) почти невозможно. Но Е. Ю. Колбовскому выпало родиться и работать в стране, где даже в эпохи относительного процветания сколько-нибудь ухоженные человеком ландшафты не занимали даже четверти национальной территории. Не случайно концепция природной зональности сформулирована именно здесь, и связывать основные факторы зональности с деятельностью человека еще никому не приходило в голову, хотя проявления зональности в его деятельности несомненны, о чем писали и В. В. Докучаев, и Л. С. Берг. Характерно, что ландшафтная зональность в обсуждаемой статье не упоминается ни разу — или эту *природную закономерность* Е. Ю. Колбовский тоже относит к мифам?

У столь ярко выраженной недооценки природной основы ландшафтов, демонстрируемой Е. Ю. Колбовским, на мой взгляд, две причины. Одна из них — «родовая». Автор — воспитанник ландшафтной школы Московского университета, основные «краеугольные камни» которой формулировались при исследованиях в средней полосе Европейской России, отличающейся, как справедливо отмечает автор, «многовековой историей освоения и выраженностью „резких“ ... границ» (с. 52). Не случайно и упоминаемое Е. Ю. Колбовским почти полное отсутствие в статьях и учебных руководствах, вышедших из стен МГУ, примеров «ненарушенных» ландшафтов неосвоенных и залесенных водоразделов — за почти полным отсутствием таких в подтаежном и широколиственно-лесном ближнем и даже дальнем Подмосковье.

Достижения ландшафтоведов школы МГУ несомненны, особенно на том этапе, который был впоследствии охарактеризован как морфология ландшафта. Но едва ли правомерно только по этому варианту развития ландшафтоведения (который Е. Ю. Колбовский не без остроумия называет «овражно-балочным») делать выводы об отечественном учении о ландшафте в целом. Ведь были (и большей частью существуют по сей день) ленинградская (петербургская), иркутская, томская, воронежская, киевская, львовская, тбилисская и другие ландшафтные школы. И если воронежским ландшафтоведам в своих исследованиях никак невозможно абстрагироваться от роли человека в ландшафте (не случайно именно здесь появился термин «антропогенный ландшафт»), то их иркутским коллегам, работавшим некогда на пространстве от Оби до Лены, вполне можно было сосредоточиться на изучении природных факторов в функционировании и динамике геосистем.

Другая причина «игнорирования» Е. Ю. Колбовским «природности» в ландшафте — эпистемологическая (гносеологическая): он следует мифу о «бесчеловечности» отечественного ландшафтоведения, который был активно

подхвачен в постсоветский период на волне общей гуманитаризации географии. В наиболее целостном виде этот гносеологический миф сформулирован в монографии Н. М. Дрониной [12], уже не раз подвергавшейся справедливой критике ([13] и др.). Отсюда и, увы, не оригинальные высказывания о том, что «советское ландшафтоведение ... „выпало” из более общей («очеловеченной») картины мира» (с. 51) и «из ландшафта был исключен действующий и воспринимающий „субъект”» (с. 50). Не очень понятно, как при «исключении» действующего (иногда осмысленно, иногда не очень) субъекта могли быть изучены те самые «овражно-балочные» ландшафты центра Европейской России, которым Е. Ю. Колбовский уделяет основное внимание в своей аргументации. А рассмотрение деятельности человека как «внешнего фактора» для ландшафта — вполне допустимая исследовательская модель (редукция, если угодно), которая вовсе не игнорирует роли человека в ландшафте, как таковой.

Недоумение вызывает и тезис Е. Ю. Колбовского об освобождении «классического ландшафтоведения» не только от человека, но и от биоты (с. 52). Достаточно ознакомиться с основными работами В. Б. Сочавы и его последователей, чтобы оценить, какую роль они придавали биоте в формировании и динамике ландшафтов — особенно в таежной зоне, которая, не будем забывать, занимает более половины территории России.

Трудно не согласиться с автором в том, что «антропогенная деятельность превращает естественную структуру экосистем с ее нерезкими переходами, широкими экотонами ... в мозаику, состоящую из матриц (паттернов) землепользования и селитебных (позднее — градостроительных) структур, „островков-патчей” естественной природы и линеаментов дорожно-транспортной сети и инженерных коммуникаций» (с. 63). Только применима ли эта красивая модель — одно из достижений западной ландшафтной экологии — к тайге бассейна Подкаменной Тунгуски или лесотундре бассейна Омолона? Или хотя бы к территориям, находящимся в 200 км восточнее Санкт-Петербурга? Да и в самом Петербурге (в границах субъекта РФ) есть места, где автор этих строк на маршруте протяженностью 10—15 км в лесах и болотах не встречал за день ни одного человека, зато обнаружил следы медведя. Такую территорию безусловно можно считать «островком-патчем» естественной природы (тем более что присущие многомиллионному городу урбанизированные ландшафты ее окружают), но это — ландшафты, где действуют почти исключительно природные законы! Можно ли тогда говорить о «безусловной рукотворности» ландшафтов, если даже в пределах крупнейших городских агломераций эта рукотворность не абсолютна?

Вопрос о том, существует ли природный ландшафт без «помощи» человека, можно в широком плане соотнести с вопросом: «А существует ли природа сама по себе?» И если, как считается в философии постмодернизма, на рубеже II и III тысячелетий нашей эры в числе прочих «нерушимых» границ были разрушены рубежи между природным и социальным, то самого существования природного это отнюдь не отменило. И считать, что «естественность» ландшафтов стала резко «подавляться» с раннего плейстоцена, когда человек начал осваивать Землю, — упрощение, которое может свести на нет все попытки серьезного изучения и особенно прогноза развития ландшафтов на «гуманитаризованной» основе. Одно из самых веских доказательств слабой зависимости (или даже полной независимости) природной основы ландшафтов от человека — ничем не сдерживаемое развитие различных природных

процессов после прекращения человеческой деятельности (одичание, по В. П. Семенову-Тянь-Шанскому), примеры которого весьма многочисленны как в России, так и в других странах.

Нельзя не согласиться с Е. Ю. Колбовским в том, что «этнос (социум) создает ландшафты на всем пространстве своего обитания, включая и периферийные ареалы» (с. 63), но при важном условии: законы природы никакому этносу еще не удалось отменить. И никто еще не сумел доказать, что на огромных пространствах России с плотностью населения менее 1 чел./км² воздействие человека на ландшафты (которое безусловно существует) «подавляет» природные закономерности. Отмечу, что в монографии автора этих строк [15], которую Е. Ю. Колбовский характеризует как «региональный анализ культурного ландшафта» (с. 60, выделено мной. — Г. И.), все ландшафты территории в зоне влияния С.-Петербурга, осваивавшейся в течение многих столетий, рассматриваются во *взаимодействии* природных процессов и деятельности человека.

Существует ли естественная иерархия ландшафтов (природных территориальных комплексов)? Автор рассматриваемой статьи утверждает, что «представители всех ... школ российского ландшафтоведения априори верили в существование „связующего паттерна”¹ — ландшафтной матрицы» (с. 53). Идея «ландшафтной матрицы», согласно Е. Ю. Колбовскому, с неизбежностью включает представления об объективных природных факторах дифференциации ландшафтов (в особенности о «ведущих факторах», связанных с «литогенной основой» ландшафта), преобладании дискретности над континуальностью (и соответственно наличии природных границ) и существовании безразличной к масштабу исследования иерархической структуры ландшафтных ячеек разного ранга.

Хотя перечисленные здесь представления об организации ландшафтов действительно связаны между собой, имеет смысл рассмотреть их по отдельности, тем более что выраженность (или невыраженность) границ — всего лишь частный случай проявления иерархии в природе. Существование иерархии природных объектов разной степени сложности в доказательствах не нуждается: достаточно назвать такие примеры, как порядки речных бассейнов (независимо от того, каким способом их выделять), структуры земной коры, морфоструктуры рельефа. Природная (ландшафтная) зональность — также одно из проявлений иерархического устройства природы, и в цитированном выше определении ландшафта Л. С. Берга слова о том, что ландшафт типически повторяется на протяжении данной зоны Земли, признают наличие этой иерархии. Западно-Сибирская низменность, Васюганская равнина, отдельный болотный массив в пределах Васюганья — это примеры «вложенных» ландшафтных структур разного таксономического уровня, в существовании которых едва ли кто сомневается: при этом основные свойства (признаки) структуры более высокого порядка в той или иной степени проявляются в структуре более низкого уровня. Вопрос о том, как называть эти структуры — физико-географическими странами, областями, провинциями, районами и т. п., — сугубо второстепенный. Упрек в субъективности отечественное ландшафтоведение справедливо заслужило, квалифицируя те или иные иерархические уровни организации ландшафтов как «основные», «ключе-

¹ Термин введен англо-американским философом и методологом естествознания и человекознания Г. Бейтсоном [4].

вые» или «узловые» единицы физико-географического районирования. Эту субъективность блестяще показал почти 40 лет назад Д. Л. Арманд, выразив свою основную мысль так: «...закономерности, управляющие природными процессами, изменяются постепенно, и никаких „основных“ единиц в таксономической лестнице не существует. Это лестница без лестничных площадок» [1, с. 94]. В этом высказывании фактически содержится подтверждение отсутствия «габаритной иерархии» в понимании А. Н. Ласточкина [19], но отнюдь не отрицание иерархического устройства природы в целом. Поэтому тезис Е. Ю. Колбовского о наличии у ландшафтоведов «представления о существовании безразличной к масштабу исследования размерности ячеек паттерна с определенной иерархической структурой» (с. 53) не имеет оснований: достаточно просмотреть любое руководство по ландшафтному картографированию, чтобы убедиться, что каждому съемочному масштабу соответствует свой таксономический уровень (уровни) картографируемых единиц, размеры (цензы) контуров и т. п.

Существуют ли ведущие факторы дифференциации ландшафтов? Объективны ли ландшафтные границы? Подвергая сомнению «постулат» о предопределенности живой природы косной, Е. Ю. Колбовский уделяет большое внимание понятию «местоположение», особо останавливаясь на морфодинамическом анализе А. Н. Ласточкина [19]. Автор сетует на то, что теоретические построения этой концепции (имеется в виду формализованное проведение характеристических линий рельефа и фиксирование геоповерхностей) «не встретили понимания у ландшафтоведов, хотя, казалось бы, ...позволяли впервые за всю историю ландшафтоведения объективно верифицировать „вложенность“ компонентов ландшафта в получаемую таким образом матрицу» (с. 55).

Методика жестко формализованной фиксации «пластики рельефа», предложенная А. Н. Ласточкиным, была проигнорирована ландшафтоведами (причем принадлежащими ко всем основным школам, как справедливо отмечает Е. Ю. Колбовский) именно потому, что этот метод не дает ничего принципиально нового по сравнению с тем, чем занимались ландшафтоведы, отрисовывая по топографическим картам (а ныне — на основе цифровых моделей рельефа) «жесткий каркас» ландшафта или его «литогенную основу». Этот процесс Е. Ю. Колбовский не без иронии называет «искусством почти высшего, интуитивного порядка» (с. 54), но в отличие от А. И. Ласточкина и его последователей ландшафтоведы (пусть на уровне, близком к интуитивному) учитывали связи этого «каркаса» с другими компонентами и элементами природных территориальных комплексов. Приверженцы морфодинамического анализа предпочитают рассуждать о предопределяющей роли «пластики рельефа» для ландшафтов (и, более широко, любых геосистем) на абстрактном уровне, не удосуживаясь приведением каких бы то ни было конкретных примеров. Предельная (и избыточная для ландшафтного анализа) формализованность «пластики рельефа» и сведение ее фактически к «чистой форме» без какого-либо учета субстрата (состава и особенностей залегания пород верхнего слоя земной коры, которые эту форму и создают) — вот основная причина «неприятия» идей А. И. Ласточкина большинством ландшафтоведов. Кроме того, однозначность проведения характеристических линий рельефа противоречит идее континуальности. Это признает на основании собственного опыта и Е. Ю. Колбовский, говоря о том, «что границы геотопов, зафиксированные посредством процедур морфодинамического анализа [причем в

разных равнинных и горных регионах. — Г. И.], не формируют реальных ландшафтных границ в ненарушенной „дикой” природе» (с. 55). Что касается природы «одомашненной», то в ней, как будет показано дальше, «геотопы» в понимании А. И. Ласточкина обуславливают ландшафтные границы в еще меньшей степени. И если понимать местоположение именно так, то можно согласиться с Е. Ю. Колбовским в том, что «доведение до логического конца идеи местоположения как выражения дифференцирующей роли фактора рельефа способно положить конец классической идее ландшафта...» (с. 55). Именно гиперформализация способна довести идею местоположения до абсурда, но вовсе не опровергнуть связи субстрата (а это не только «ячейки» рельефа!) с растительностью и остальными компонентами ландшафта.

Е. Ю. Колбовский не ограничивается обсуждением местоположений («геотопов»), обусловленных «пластикой рельефа», и обращается с вопросом к автору этих строк, разработавшему ландшафтно-динамический подход к выделению местоположений [16]: «...что именно отличает карту местоположений от одного из видов геоморфологического картографирования и как ... должен выглядеть ГИС-алгоритм построения подобных „негеоморфологических” карт дифференциации земной поверхности?» (с. 54). Отличает прежде всего совместный учет трех основных признаков, которые можно рассматривать в качестве устойчивых (низкочастотных) по отношению, например, к растительности и почвам: 1) форма рельефа (и здесь классификация принципиально не отличается от подхода А. Н. Ласточкина, кроме, как уже говорилось, количества используемых параметров и степени детализации, зависящей от конкретных ландшафтных условий); 2) состав и характер сложения (залегания) почвообразующих (либо подстилающих) пород, обычно в верхнем метровом слое; 3) режим увлажнения (естественного и/или искусственного). Из этого перечня видно, что геоморфологическая карта и карта ландшафтных местоположений той же территории — далеко не одно и то же. Кроме того, на «традиционных» геоморфологических картах большое внимание уделяется признаку генезиса рельефа, установление которого часто проблематично и во многом субъективно в отличие от фиксации признаков местоположения, названных выше. Что касается ГИС-алгоритма отрисовки местоположений, то его создание принципиально возможно на основе использования цифровых моделей рельефа необходимого разрешения и геологических карт (в особенности карт четвертичных отложений). Полная формализация создания карты ландшафтных местоположений (как и любой другой синтетической тематической карты) невозможна, но поставим вопрос: а нужна ли она? Ведь в каждом «трудном» случае решение о том, насколько значим («работает») в ландшафте (природном территориальном комплексе) тот или иной признак местоположения, остается за ландшафтоведом. Мечты о полной автоматизации (алгоритмизации, формализации) составления тематических карт природы (от геологических до ландшафтных) обычно высказывают те, кто «пришел» в естественные науки из математики или информатики, но ведь недаром, да простят мне столь вольную аналогию, товары «ручной работы» ценятся гораздо выше тех, что сделаны «на конвейере»...

В какой степени местоположения, выделяемые по описанным выше критериям, предопределяют остальные компоненты ландшафта — в первую очередь биотические? Я вполне согласен с мнением своего оппонента о том, что «совпадение границ ... биотических, биокосных и абиотических компонентов представляет собой лишь частный случай и ... имеет место в экосистемах с

резко выраженным преобладающим фактором дифференциации (верховые болота, пойменные экосистемы)» (с. 62). Но препятствием к выделению, изучению (в том числе картографированию) природных территориальных комплексов это положение ни в коей мере не выступает — так же как и упоминаемая Е. Ю. Колбовским фрактальность рисунка многих ландшафтов. Приведу еще одну довольно пространную цитату из текста Е. Ю. Колбовского, необходимую для дальнейшей дискуссии: «Компоненты экосистем, будучи безусловно взаимосвязанными, обладают принципиальной автономностью, проявляющейся в самостоятельности трендов их развития и оригинальности латеральной дифференциации: таковы комбинации поверхностей четвертичного литогенеза, мозаики почвенного покрова ..., растительные ассоциации в пределах биомов, незатронутых хозяйственной деятельностью. Автономность компонентов экосистем, каждый из которых воспроизводит собственную структуру (что обеспечивает устойчивость ландшафта), делает невозможным фиксацию „общих границ“ (с. 61—62). Таково одно из обозначенных Е. Ю. Колбовским положений «неоландшафтоведения», и автор этих строк готов подписаться под всем (кроме последнего вывода!), но с одной важной оговоркой: этим «неоландшафтным» идеям уже более 30 лет!

Чтобы убедиться в сказанном, нужно обратиться к работам второй половины 1970—1980-х гг., когда отечественное ландшафтоведение переходило от «статического» («морфологического») этапа к «динамическому». Требовал осмысления накопленный к тому времени огромный эмпирический материал исследований ландшафтной структуры разных регионов, появились первые результаты работ комплексных физико-географических стационаров. Именно тогда заговорили о «несовпадениях» компонентов и элементов ландшафта (термин принадлежит Н. Л. Беручашвили [21]), их *разночастотности* и *перепутывании частот* (элиасинге) [26], *характерном времени* процессов в ландшафтах [3]. Эти представления сильно поколебали взгляд на ландшафт как «гармоничное единство» всех его компонентов. Кризис «статического» ландшафтоведения в значительной мере был преодолен введением понятия «состояние ландшафта» и разработкой представлений о природном территориальном комплексе как спектре состояний разной длительности: от внутрисуточных до многовековых [6, 18]. Изучение функционирования ландшафтов как совокупности потоков вещества, энергии и информации позволило сформулировать концепцию *полиструктурности геосистем*, приоритет в разработке которой принадлежит латвийскому ландшафтоведо К. Раману [23], а дальнейшее развитие она получила, в частности, в работах украинских ландшафтоведов [29]. «Параллельная» концепция организации ландшафта, также отражающая принцип полиструктурности, разработана в западно-европейско-американской ландшафтной экологии [30]. На основе идей Р. Формана и М. Годрона, а также словацких ландшафтных экологов М. Гродзинский сформулировал представление о биоцентрической сетевой структуре ландшафта [9].

Таким образом, в отечественном ландшафтоведении в последней четверти XX в. получили распространение континуалистские представления (в том числе под сильным влиянием соответствующих взглядов в фитоценологии), которые постепенно вытесняли прежние детерминистские модели типа «литогенная основа — ведущий компонент ландшафта». Сущность континуализма в ландшафтоведении была сформулирована автором этих строк как представления о нечетких, стохастических, опосредованных временем связях между элементами и компонентами ландшафта и, как следствие, взгляды о

множественности, «вторичности» самих ландшафтов, выделяемых в качестве удобных исследовательских конструкций [14].

Те примеры «несоответствия» растительного покрова факторам субстрата (рельефу, подстилающим породам, почвам), которые приводит Е. Ю. Колбовский, вполне вписываются в континуалистские представления и, более того, известны довольно давно: например то, что «растительные сообщества одного и того же типа могут занимать разное положение в рельефе, располагаться на разных подстилающих породах и на разных почвах» (с. 56). Работающим в «поле» (а в особенности в лесу) ландшафтоведам хорошо известны эффекты «преодоления» растительными сообществами характеристических линий рельефа (перегибов склонов, уступов, тыловых швов и т. п.), «сдвиге» на одну и более ступеней эдафотопы по шкале увлажнения (и/или трофности) в ходе возрастной динамики древостоев и т. д. Однако исходя из собственного опыта изучения таежных ландшафтов разных регионов не могу согласиться с категоричным утверждением Е. Ю. Колбовского о том, что «растительные сообщества по мере своего развития и распространения ... изменяют *весь* [выделено мной. — Г. И.] набор физических параметров местообитаний» (с. 63). Полные изменения местообитаний растительностью, например зарастание небольших озер и превращение их в переходные болота, происходят за многие сотни—тысячи лет и характеризуются уже как эволюция ландшафтов. В более обозримые промежутки времени (которыми оперируют, в частности, в территориальном планировании) никакие сукцессии растительности — даже, например, смена преобладающей древесной породы и почвенного покрова — не в состоянии изменить форму рельефа и состав почвообразующих пород, т. е. основные характеристики ландшафтных местоположений. Именно поэтому мы можем рассматривать последние в качестве более или менее стабильного «каркаса» ландшафта или своеобразной системы отсчета для фиксации тех же изменений растительного покрова. Любой вид местоположений задаст некоторое «поле возможностей», или набор многолетних состояний растительности и почв, но набор этот всегда ограничен. Сфагновые ельники, например, могут расти на грунтах различного механического состава, перекрытых торфом разной мощности, но, как бы они не «преодолевали» различные грани рельефа, никогда им (при существующих зонально-климатических условиях) не «забраться» на склоны и вершины камовых холмов, песчано-валунные (озовые) и скалистые гряды, да и на пологонаклонных песчаных террасах с хорошим естественным дренажем этот тип растительных сообществ не встретишь...

О существовании связей между растительными сообществами и более стабильными компонентами ландшафтов (как бы эти связи не «смазывались» в ходе динамики растительности) хорошо знают все геоботаники и многие ботаники-флористы. Наиболее «удачливые» из них разыскивают новые и редкие для определенной территории виды растений не «где попало», а в конкретных местоположениях (местообитаниях), — есть ли лучшее доказательство «прочности» таких связей?

Из-за различия в характерном времени процессов весьма далеки от простого соответствия связи «растительность—почва», и в этом смысле показателен приводимый Е. Ю. Колбовским пример развития дернового процесса в почвах при смене еловых лесов мелколиственными. Однако тезис о том, что этот процесс «может не допустить возвращения к исходному типу даже после прохождения всех растительных этапов» (с. 56), требует уточнения, во вся-

ком случае соотнесения с определенной ландшафтной зоной. Согласно исследованиям автора и его коллег, в южной тайге северо-запада Европейской России встречаются ельники (кисличные, черничные и др.), произрастающие на дерново-подзолистых почвах с «аномально» мощным (до 30 см) гумусовым горизонтом, что может быть объяснено только длительным предшествующим окультуриванием, и это подтверждается историческими данными. Налицо «несоответствие» почвы и растительности, которое тем не менее не препятствует восстановлению лесных сообществ, свойственных данной зоне и подзоне. Что же касается утверждения Е. Ю. Колбовского о том, что генезис дерново-подзолистых почв в зоне подтайги («Среднерусской полосе») является исключительно результатом земледельческого освоения этой зоны (с. 56), с ним можно поспорить. В подтайге (не говоря уже о примыкающей к ней с юга зоне широколиственных лесов) климатические условия позволяют расти лесам с большой долей широколиственных пород (ныне в основном вырубленных) и преобладанием трав в напочвенном покрове, что способствует развитию дернового процесса и при отсутствии распашки почв. В этом — существенное отличие *природных условий* двух соседних ландшафтных зон, которое проявляется и в характере связей «растительность—почва».

Малопродуктивный спор о том, какой фактор является «ведущим» в «природном» ландшафте — «литогенная основа» (или только рельеф) или биота — вполне снимается рассмотрением ландшафта (природного территориального комплекса определенного ранга) как системы, состоящей из местоположения и присущего ему набора многолетних состояний, описываемых растительными сообществами и наиболее динамичными характеристиками почв. «Вложенность состояний в „габаритную матрицу” местоположений» (с. 56) отражает тот неоспоримый факт, что растительные сообщества имеют гораздо меньшее (на 2—3 порядка) характерное время,¹ чем элементы этой матрицы. Кроме того, различные многолетние состояния растительности могут и «перешагивать» границы местоположений (например, при быстро развивающемся процессе заболачивания), что адекватно отражается при ландшафтно-динамическом картографировании.

Завершая дискуссию о факторах дифференциации ландшафтов и характере проявления внутриландшафтных связей, обратимся к неизбежному вопросу о проведении границ между природными территориальными комплексами. Не лишним будет вспомнить слова неоднократно цитируемых здесь классиков отечественной географии. Л. С. Берг: «Охарактеризовать и выделить какой-нибудь географический ландшафт можно лишь тогда, когда мы установим границы, отделяющие один ландшафт от другого» [5, с. 10]. В. П. Семенов-Тянь-Шанский: «География есть наука об естественных границах» [25, с. 47—48]. В рассматриваемой статье Е. Ю. Колбовский утверждает: «Постоянные антропогенные воздействия усиливают экологические различия экотопов, которые закрепляются в ходе многолетнего земле- и природопользования и формируют абсолютное большинство зримых резких границ в ландшафте» (с. 63). Кроме того, ландшафтной экологии (в частности Б. В. Виноградову [8]), оказывается, принадлежит приоритет «признания того .., что резкие линейные границы свойственны либо антропогенным экосистемам .., либо об-

¹ Показательно, что Е. Ю. Колбовский нигде не использует понятие «характерное время» — одно из ключевых в динамическом понимании ландшафта, да и вообще мало оперирует категориями времени.

разованиям, связанным с природными катастрофическими сменами» (с. 57). Но поставим снова вопрос: на какой части российской территории резкие «антропогенные» границы абсолютно преобладают? Опять мы сталкиваемся со свойственным нашему оппоненту взглядом из так называемой Среднерусской полосы. Именно здесь за столетия освоения территории «...в результате итеративного выбора (подсека, перелог, трехполка) и последующего закрепления использования земель (пахотные угодья, пастбища и сенокосы) формируются контрастные рисунки структур почвенного покрова» (с. 59). Но уже в средней и северной тайге Европейской России (не говоря о тайге Сибири) «антропогенные» структуры почвенного покрова встречаются сравнительно небольшими пятнами среди пространств, где почвообразование контролируется только природой.¹

Какого же происхождения границы на огромных территориях Северной Евразии, где человеческая деятельность оставила не так много заметных следов, а сельским хозяйством (в особенности земледелием) не занимались никогда? Эти границы, отметим, хорошо читаются на космических снимках и подвергаются дешифрированию (хотя Е. Ю. Колбовский на с. 59 утверждает, что ландшафт не является объектом применения дистанционных методов). Можно ли утверждать, что эти видимые из космоса границы всегда относятся только лишь к какому-либо одному компоненту ландшафта (рельефу, грунтам, растительности) и не отражают связи между компонентами в силу присущей им «автономности»? Едва ли кто возьмется доказать это утверждение. Дискретные границы ландшафтов (например, безлесных торфяников и дренированных местоположений с лесами) встречаются в природе ничуть не реже, чем экотоны, — хотя бы по той причине, что дискретность и континуальность в природе дополнительные по отношению друг к другу.

Наличие в природе нерезких границ не может быть поводом для оспаривания существования ландшафтных единиц разного ранга. Давно уже было показано, что слабая выраженность границ не означает отсутствия разграничиваемых объектов [22]. Достаточно упомянуть границы ландшафтных зон, которые представляют собой зачастую полосы шириной до сотни километров, но никому не придет в голову по этому поводу оспаривать существование самих зон, например лесотундры и тайги. «Невозможность» фиксации «общих» (=ландшафтных) границ, о которой пишет Е. Ю. Колбовский, скорее кажущаяся: проведение любой границы на карте — осмысленный компромисс, который в каждом случае требует от создателя карты реального представления о точности этой процедуры (или, иными словами, ширине экотона, который моделируется линией границы).

Доказуемы ли основные положения ландшафтоведения? Е. Ю. Колбовский утверждает, что ни одно из основных представлений «классического ландшафтоведения» «не было доказано посредством использования процедуры „добычи данных“... и их последующей обработки» (с. 53). Здесь многое непонятно. Например, как можно доказать (или опровергнуть) такой «постулат», как «представление об антропогенной деятельности как внешнем фак-

¹ Так называемая «ползучая» подсека, распространенная в таежных регионах Европейской России вплоть до начала XX в., не могла существенно повлиять на структуру «естественного» почвенного покрова, поскольку кратковременное (1—3 года) использование подсечных участков под посевы практически не оставляло следов в структуре почвенного профиля.

торе ландшафтогенеза»: это, скорее, исследовательский подход, который дает те или иные результаты. Не очень ясно, зачем доказывать «наличие природных границ», если многие из них хорошо видимы на местности, не говоря уже о дистанционных изображениях. Наконец, для верификации «постулатов» Е. Ю. Колбовский почему-то предлагает процедуру «добычи данных» — метод, применяемый в основном в экономике и в большей степени ориентированный на практическое приложение полученных результатов, чем на выяснение природы явлений. Согласно авторитетному источнику в данной области, «добычу данных можно рассматривать как шаг фильтрации ..., предшествующий применению точных статистических инструментов. Роль этого шага фильтрации заключается в том, чтобы ... получить ряд нетривиальных гипотез, которые впоследствии можно проверить средствами обычной статистики» [28, с. 235]. Этот метод применяется при компьютерной обработке больших массивов (баз) данных для выявления зависимостей, которые далее необходимо проверять статистическими средствами. Целесообразно ли его применение в ландшафтоведении, где объемы данных не всегда столь велики, чтобы производить в них специальную «добычу»? Во многих случаях вполне достаточно ограничиться стандартным набором статистических методов, которые, во всяком случае, хорошо выявляют отсутствие связей. И потом, у географии (во всяком случае ее естественных направлений) есть собственный и проверенный временем способ верификации данных и гипотез — картографический: почему мы должны от него отказываться? Анализ соответствия любых двух и более объектов (явлений, процессов) на карте всегда может быть дополнен статистическими процедурами, поскольку почти любая карта — та же большая база данных...

И потом, хочется спросить нашего оппонента: в том «гуманитаризованном» «неоландшафтоведении», за которое он так ратует, найдется ли место сколько-нибудь строгим методам верификации данных? Или в этом нет необходимости, как и во многих современных работах по «гуманитарной географии», чьи авторы как будто соревнуются друг с другом в выдвигании броских тезисов, нисколько не заботясь об их доказательстве?

Ландшафтоведение и ландшафтная экология. Согласно Е. Ю. Колбовскому, отечественный вариант «западной» ландшафтной экологии утвердился как альтернатива неполноте модели ландшафта в «классическом» ландшафтоведении. В качестве основных отличий ландшафтной экологии от последнего называются: «центральная» роль биоты (в особенности растительного покрова) как самостоятельного фактора антропогенной динамики; «замена» ландшафта экосистемой (или биоценозом), отказ от «габаритной матрицы»; признание антропогенного происхождения резких границ; связь размера ячеек «матрицы» с масштабом изучения (с. 56—57). В свете сказанного выше, все эти отличия не представляются существенными и названные особенности так же можно отнести к ландшафтоведению в его континуалистском варианте: так, «интегральная хронология», при которой иерархические уровни пространственных единиц сопрягаются с масштабом исследования, вовсе не противоречит иерархии природных территориальных комплексов. Взяв за основу таблицу различий между основными положениями классического ландшафтоведения и ландшафтной экологии, составленную Е. Ю. Колбовским (с. 62), автор статьи попытался показать возможность «компромисса» между этими двумя дисциплинами, который может быть достигнут в рамках ландшафтно-динамической концепции (см. таблицу).

**Сопоставление основных положений «классического» ландшафтоведения,
ландшафтной экологии и ландшафтно-динамической концепции**

Позиции (по [17])	Классическое ландшафтоведение (по [17])*	Современная ландшафтная экология (по [17])*	Ландшафтно-динамическая концепция
Отношения между биотой и физико-географическими факторами среды	Обусловленность биоты космическими компонентами географической оболочки	Средообразующая деятельность биоты, неизбежно реализующаяся при преобразованиях экотопа в биотоп, нивелирует зависимость от космических компонентов (<i>но не исключает эту зависимость!</i>)	Разночастотность, разное характерное время «косных» и биотических компонентов ландшафта (отличия составляют 2—3 порядка); более стабильные компоненты «субстрата» создают «поле возможностей» для биоты (при относительной автономности последней); длительные сукцессии растительности могут приводить к эволюции «косных» компонентов
Способы учета факторов дифференциации	Построение одномерных или двумерных факторальных рядов (<i>ординационных осей может быть больше двух, например при учете высотной поясности</i>)	Изучение непрерывных последовательностей перекрывающихся экологических ниш в гиперобъеме многомерного пространства факторов	Подразделение факторов дифференциации на характеристики местоположений (более стабильные) и характеристики многолетних состояний ландшафтов, относящихся к растительности и почвам
Представление о ландшафтной сфере	Ландшафтная сфера — мозаика природных ландшафтов с естественными границами (<i>наличие границ как естественного, так и антропогенного происхождения; разработка представления об антропогенных и природно-антропогенных ландшафтах, а также об иерархии ландшафтных единиц</i>)	Множество условно выделяемых единиц — биогеоценозов, представляющих собой совокупность популяционных мозаик разных видов; агрегации объединенных наиболее крупными мозаиками ключевых видов (<i>это представление скорее свойственно континентальной фитоценологии; в ландшафтной экологии наиболее распространена модель «ландшафтного рисунка» Земли как мозаики (паттерна), состоящей из матрицы, пятен (патчей) и коридоров</i>)	Множество местоположений природного и техногенного происхождения с более или менее выраженными границами; в пределах местоположений — мозаика многолетних состояний ландшафтов, обусловленная в основном сменами растительного покрова, а также сопоставимыми по характерному времени проявлениями человеческой деятельности

Представление о ячеистости и границах ячей	Объективная дискретность матрицы природных ландшафтов и габаритно-таксономический подход к ее выделению (<i>признается существование как дискретных, так и континуальных границ или экотонов</i>)	Объективные резкие границы между природными экосистемами не существуют и являются чаще всего либо результатом антропогенеза, либо (значительно реже) катастрофических сукцессий	Примерное равное соотношение дискретных и континуальных границ; признание «ячей» (природных территориальных комплексов, ландшафтов) реализацией природных и антропогенных процессов в конкретном пространстве—времени
Представления о динамике	Изменения растительных сообществ как целостных единств, жестко детерминированных числом устойчивых климатических состояний (<i>различение динамики и эволюции ландшафтов как соответственных обратимых и необратимых изменений; рассмотрение в динамике не только изменений растительности, но и других компонентов ландшафта</i>)	Стохастические независимые изменения популяций (<i>относительно независимые друг от друга, но не независимые от условий среды!</i>), завершающиеся климакс-континуумом (<i>поликлимаксом</i>)	Динамика как совокупность всех состояний природного территориального комплекса разной длительности (от внутрисуточных до многолетних), а также переходов между состояниями при относительной стабильности «каркаса» местополюжений; вероятностный характер динамики («поле возможных» многолетних состояний в каждом типе местополюжений)
Подходы к классифицированию	Построение жесткой иерархической системы габаритных таксонов на основе сходства состава эдификаторов как видов, определяющих внутреннюю сущность ландшафта (<i>использование различных классификационных признаков-оснований на разных ступенях классификации (иерархии) ландшафтов; виды-эдификаторы, как правило, используются только на самых нижних ступенях классификации в качестве индикаторных признаков</i>)	Классифицирование как целевое прикладное сворачивание («сознанная редукция») разнообразия многомерности континуума живого покрова Земли (<i>эта формулировка слишком неопределенна, чтобы по ней можно было судить о принципах классификации; кроме того, в современной ландшафтной экологии классифицируется не только «живой покров Земли»</i>)	Классификация ландшафтных местополюжений (в пределах ландшафтных зон и/или физико-географических стран) по признакам формы (типа) рельефа, состава почвообразующих (подстилающих) пород и режима увлажнения; классификация многолетних состояний ландшафтов по признакам средообразующих (эдификаторных) видов, тенденции изменения фитогенной структуры, преобладающим эколого-флористическим группам видов на почвенного покрова и другим признакам

Примечание. * В скобках курсивом даны комментарии и дополнения автора.

На взгляд автора этих строк, одно из основных достижений «первоисточника» — англо-американской ландшафтной экологии — состоит в разработке модели «ландшафтного рисунка» Земли как мозаики (паттерна), состоящей из матрицы (узор, определяемый землепользованием или структурой растительного покрова), пятен (патчей) — относительно однородных территорий, создаваемых антропогенной деятельностью, и коридоров (линейных элементов, включающих дороги, долины рек и т. д.). Эта модель была воспринята и рядом российских исследователей, в частности Ю. Г. Пузаченко, на работы которого ссылается Е. Ю. Колбовский. Нельзя не согласиться с последним в том, что «ландшафтный покров», или «ландшафтная мозаика», в таком понимании надежно дешифрируется по дистанционным изображениям, и методик дешифрирования такого рода, использующих различные алгоритмы компьютерной обработки космоснимков, разработано уже довольно много. Но, поскольку «сверху видно не все», модели «ландшафтного покрова» можно интерпретировать скорее как «срезы» состояний ландшафтов с длительностью существования в годы или первые десятки лет. От «традиционных» ландшафтных карт карты «Land cover» отличаются, в частности, отсутствием отбора наиболее существенных связей в природных территориальных комплексах, который невозможен без наземных исследований.

Другая существенная трудность укоренения достижений западноевропейской и американской ландшафтной экологии на российской почве заключается в ответе на вопрос: к какой части России применима модель «ландшафтной мозаики» как «безусловно антропогенного образования» (с. 60)? Не будет большим преувеличением сказать, что «западная» ландшафтная экология — это вариант развития ландшафтоведения на глубоко и давно освоенных территориях Западной Европы (и некоторых районов США), где практически не осталось участков земли без определенного назначения, «дичающих» ландшафтов и прочих «пустых пространств», а все остатки «дикой природы» сведены в коридоры и пятна...

Большинство «специалистов по ландшафтам» из разных стран Западной Европы, с которыми автор этих строк встречался в последнее десятилетие, воспринимают природную сторону ландшафтов как рутинную, целиком познанную и не сулящую никаких открытий. То, что достойно изучения, касается лишь отношений человека с ландшафтом: поэтому человек и его разнообразные произведения (от интервью до симфоний) служат зачастую единственным инструментом познания ландшафта. Именно о таких отношениях — слова испанского философа и социолога Хосе Ортега-и-Гассета, вынесенные в качестве второго эпиграфа к этой статье.

Ландшафт или экосистема? Какой же главный вывод делает Е. Ю. Колбовский из обзора постулатов «классического» ландшафтоведения? Этот вывод не случайно обозначен первым номером в перечне «контуров неоландшафтоведения», и я позволю себе процитировать его полностью: «В окружающей нас реальной действительности нет никаких „природных ландшафтов“, а есть экосистемы, существование которых детерминировано сложным взаимодействием разномасштабно распределенных факторов, не приводящих к пространственной дифференциации («ячеистости») поверхности географической оболочки в единых границах, которые могли бы быть спроецированы через ее компоненты „по вертикали“» (с. 61).

Неужели Е. Ю. Колбовский, уделивший столько внимания критике представлений об объективности ландшафтов, всерьез полагает, что выделение

экосистем на земной поверхности может быть более объективным? Ведь экосистема — настоящая «синяя птица» естественных наук. Количество экосистем, порождаемых живыми организмами либо их группировками в пределах любой территории (где обитают различные организмы), практически бесконечно (экосистема иксодового клеща, европейского бобра, черной ольхи...), а количество ландшафтов (природных территориальных комплексов) — конечно, как бы ни были расплывчаты («субъективны») их границы. Экосистема, в которой ведущая («центральная») роль отведена биоте, — концепт, подходящий далеко не для всех природных условий (и соответственно территорий): тропические пустыни, где в поисках живого растения нужно подчас преодолевать километры, — наиболее яркий пример. И каким образом «экосистемы» можно использовать для пространственного планирования, к нуждам которого Е. Ю. Колбовский призывает максимально «приспособить» теорию? По опыту участия автора этой статьи в проектах территориального планирования ландшафтные карты фигурировали в этих работах почти всегда (насколько «плодотворно» — другой вопрос), а вот «карт экосистем» встречать не приходилось, да и в сфере «чистой науки» такие карты крайне редки...

Есть один «вненаучный» аргумент, который тем не менее не может не свидетельствовать о том, что сущности, отражаемые понятием «ландшафт», более «укоренены» на Земле (и соответственно более конкретны), нежели то, что отражается понятиями «экосистема», «геосистема» и им подобными. Речь идет о существовании аналогов слова «ландшафт» в языках самых разных стран, в том числе в диалектных вариантах этих языков. И отнюдь не случайно на рубеже второго и третьего тысячелетий понятие ландшафта оказалось столь «удобным», что его стали «растаскивать» на свои нужды представители науки от языкознания до теоретической физики (см., например, [27]), люди искусства и практики самых разнообразных родов деятельности. Эту тенденцию еще в 1988 г. отразил А. Д. Арманд в полемической статье «Ландшафт как конструкция» [2]. Он выделил более трех десятков «проекций ландшафта», объединенных в четыре группы: ландшафт как среда жизни человека, как объект человеческой деятельности, как объект восприятия и, наконец, как объект научного исследования. Один из заключительных выводов цитируемой статьи звучал почти приговором для «ортодоксального» ландшафтоведения: «...для одного и того же участка земной поверхности можно получить почти неограниченное количество „ландшафтов“, равноценных по своей достоверности. Никакого ландшафта „вообще“, наиболее общего, наиболее объективного, не существует» [2, с. 125]. Тем не менее «неограниченность» количества ландшафтов для конкретной территории можно свести к их вполне обозримому конечному числу, как только мы начинаем выявлять устойчивые связи и компоненты (элементы) с учетом «четвертого измерения ландшафта» [6] — времени.

Для повышения определенности модели ландшафта, которая необходима для той или иной цели («проекции»), А. Д. Арманд предложил «ввести в процесс изучения природной среды исследователя с его требованиями, знаниями и даже, возможно, предрассудками» [2, с. 125], что соответствовало распространяющемуся постмодернистскому видению мира, прокламирующему принципиальную неустранимость субъекта из результата научного познания [20].

Потребовалось еще почти два десятилетия, наполненных не только научными поисками, но и социально-политическими катаклизмами, прежде чем на постсоветском пространстве появилось «гуманитаризованное ландшафто-

ведение». Его ярким примером можно назвать двухтомную монографию М. Д. Гродзинского «Познание ландшафта: место и пространство» [10], в которой не менее половины из почти 1000 страниц текста уделено обзору понятия «место», различным природным и социокультурным «конфигурациям» ландшафта, а также его перцепционно-когнитивным и эстетическим интерпретациям. Автор по сути дела постулирует «право каждого на свое понимание ландшафта» и «примирает» все возможные взгляды на этот объект следующим определением «...ландшафтоведение — это поле культуры, в котором возникают, интерпретируются и используются знания о пространствах, образ которых формируется конфигурацией мест». Классическое «географическое ландшафтоведение», как и ландшафтная экология, рассматриваются в качестве составной части такого «общекультурного» ландшафтоведения, но, как подчеркивает М. Д. Гродзинский, роль этой части чрезвычайно важна, в том числе благодаря наиболее солидному стажу познания ландшафта [10, т. 2, с. 483].

В нынешнем исключительном обилии научных публикаций (в том числе на русском языке), в которых главным объектом исследования выступают «виртуальные ландшафты» (образы, символы, представления и т. п.), проявляются родовые черты философии постмодернизма, где в результате разрыва между знаком и его объектом знак превращается в самостоятельный объект, полностью отрывающийся от реальности, которую он призван обозначать, и образует виртуальную реальность, имеющую очень мало общего с подлинной реальностью [7]. Нельзя не отметить, что «постмодернистские увлечения» в науке (в частности, отрицание любой иерархии изучаемых объектов) зачастую оборачиваются поверхностностью и потерей профессионализма — чему стремительно гуманитаризирующаяся география дает множество примеров.

Имеет ли ландшафтоведение собственное проблемное поле и отвечает ли оно вызовам сегодняшнего дня? В заключение нельзя не коснуться выраженного Е. Ю. Колбовским (в результате предпринятой «ревизии» основ ландшафтоведения) сомнения в существовании собственно ландшафтного подхода к изучению земной поверхности и его пригодности для решения практических задач, в частности территориального планирования. Из текста обсуждаемой статьи складывается впечатление, что «фигура географа-„комплексника“, обладавшего интуитивным и почти сакральным знанием и потому возвышавшегося над „отраслевыми“ географами» (с. 52), уже не отвечает запросам времени. Как риторические, звучат заданные Е. Ю. Колбовским вопросы: «Что мы умеем делать лучше „смежников“: заниматься „оверлеем“ покомпонентных карт и искать „общие“ границы? Но кто доказал, что они существуют?» (с. 61).

О поиске «общих границ» уже было сказано выше: это — далеко не первая и даже не вторая задача ландшафтоведения. Суть последнего даже не в выяснении того, существует ли ландшафт или нет. Главное — поиск связей и взаимодействий между телами и явлениями природы, изучение которых В. В. Докучаев назвал «лучшей и высшей прелестью естествознания» [11, с. 396—397]. Все точки над «i» расставил Л. С. Берг: «Цель географа — уловить закономерности в группировках, а для этого он изучает не всякие многообразия, а только такие, где отдельные элементы связаны друг с другом некоторой связью; *другими словами, он исследует географические ландшафты*» [5, с. 11] (выделено мной. — Г. И.). Стоит ли уточнять, что проявления человеческой деятельности, *закономерно связанные с природными телами и явлениями*, не «выпадают» из проблемного поля географического ландшафтоведения?

Преимущество профессионального ландшафтоведа над любыми «смежниками» состоит в том, что он умеет искать и находить связи, устанавливать наиболее существенные из них и отбрасывать второстепенные (в том числе с точки зрения решаемой практической задачи). В этом «искусстве» ландшафтоведа можно отчасти уподобить высококлассному системному аналитику, который способен разобраться в механизме деятельности сложной корпорации, не слишком вникая в тонкости работы отдельных ее подразделений. «Ландшафты», «природные территориальные комплексы», «местоположения», «состояния», проведение границ с той или иной точностью («компромиссами») — это «всего лишь» наше выражение на присущем географии языке представлений о существовании связей между компонентами и элементами природы. И без интуиции, упомянутой выше Е. Ю. Колбовским, здесь не обойтись — в противном случае наука обращается в ремесло (в хорошем смысле), снабженное набором инструкций.

Всегда ли для изучения природы (в том числе обустроенной человеком) нужны подобные «системные аналитики»? Многие страны, входящие в число наиболее высокоразвитых (в том числе США, страны Скандинавии, Финляндия), вполне обходятся без ландшафтного подхода к изучению своих территорий, принятого в России, странах бывшего СССР, Китае, странах Центральной Европы и других государствах. Причины этих различий лежат в сфере гносеологии и восходят к традициям научного познания в каждой стране; кроме того, они во многом обусловлены природными особенностями стран, степенью их освоенности и длительностью освоения. Трудно, например, представить, чтобы ландшафтная зональность была «открыта» в Бельгии или даже Испании...

Е. Ю. Колбовский утверждает, что «переформулировка концепта» в ландшафтоведении необходима из-за «несчастливого столкновения теории с практикой» (с. 49) и переформулировать этот концепт нужно «таким образом, чтобы ландшафтоведение могло служить основой экологического проектирования и ландшафтного планирования: с понятными классификациями, воспроизводимыми процедурами картографирования, возможностью ... поддержки законодательных конструкций различного вида» (с. 60).

Автор не склонен полностью разделить пессимизм своего оппонента в отношении «несчастливого» применения ландшафтных исследований в практических целях. Наверное, не стоит приводить многочисленные примеры плодотворного союза науки и практики, восходящие к временам В. В. Докучаева и его учеников (которые даже не называли себя ландшафтоведами). Достаточно обратиться к собственному опыту работы в территориальном планировании, проектировании магистральных коммуникаций, особо охраняемых природных территорий (ООПТ), лесоустройстве и других отраслях применения ландшафтного подхода. Этот опыт показывает, что неполная востребованность «продукции», поставляемой ландшафтоведами, обусловлена отнюдь не «субъективным» проведением границ природных территориальных комплексов (или иных природных границ). Гораздо существеннее то, что проектировщики чего бы то ни было, как правило, менее всего склонны считаться с наличием любых природных границ, которые могут осложнить или даже сделать невозможными их проектные решения.

Есть и причина более высокого порядка, свойственная стране с кажущейся неограниченностью природных ресурсов: «остаточный принцип» в отношении ко всему, что связано с ограничениями природного («экологическо-

го») характера. Такое отношение (или, если угодно, «национальная модель управления ландшафтом»), увы, проявляется на всех уровнях государственного устройства.

И уповать на то, что отход «от ставших уже привычными схем включения в экологические разделы оценок покомпонентных свойств ландшафтов (например, морфолитогенной основы» (с. 64) сможет кардинально изменить ситуацию в отечественном территориальном планировании, по меньшей мере наивно. Проектировщику-практику в любом случае нужны четкие границы на картах или схемах. И если границы «традиционно» выделяемых ландшафтов, по словам Е. Ю. Колбовского, не «работают» — будут ли «работать» границы предлагаемых им таинственных «экосистем»? И как можно что-то проектировать вне связи с морфолитогенной основой, на которой размещаются любые проектируемые объекты?

И еще на один вопрос Е. Ю. Колбовского нельзя не ответить: «...если природный ландшафт действительно существует „без человека“, то, что, собственно, мы пытаемся в нем планировать?» (с. 50). А почему бы не использовать в собственных (человеческих) целях присущие ландшафту природные закономерности, способствуя их проявлению при необходимости, либо, наоборот, сдерживая? Разве не этим занималось человечество в тех районах, где история земледелия насчитывает уже многие столетия и даже тысячелетия, и занималось тогда, когда «ландшафтного планирования» не было и в помине? В качестве позитивного опыта планирования территорий с доминированием природных закономерностей (хотя и небольших, даже в масштабах городской агломерации) могу назвать небезуспешное внедрение алгоритма управления ООПТ Санкт-Петербурга на ландшафтно-динамической основе [24].

С удовлетворением могу констатировать, что консервационистские взгляды на «охрану природы» и заповедное дело, на господство которых (во всяком случае в России) сетует Е. Ю. Колбовский, постепенно уступают место более реалистичным подходам, признающим роль человека как в поддержании оптимальных режимов существования популяций редких видов растений и животных, так и биоразнообразия в целом. И я бы не стал «кидать камень» в ландшафтоведов, которые, как считает мой оппонент, «десятилетиями убеждали их [экологов] в том, что ценный и экологичный ландшафт создает сама Природа» (с. 63—64). Этой «презумпцией правоты» природы обычно грешат биологи, для которых любое срубленное дерево — уже преступление. «Полевые» ландшафтоведы, имеющие опыт работы в разных регионах и видение связей не только в пространстве, но и во времени, как правило, воспринимают природу более «трезво» и им, как это не может показаться странным, более свойственен взгляд, выраженный тургеневским Базаровым: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник».

Заключение. Статья Е. Ю. Колбовского затрагивает важные «болевы» точки отечественного ландшафтоведения, но, к счастью, автор — не единственный (и далеко не первый), кого волнуют проблемы этой научной дисциплины и в особенности ее связи с практическими задачами. Смена «дискретной» парадигмы в ландшафтоведении на континуалистскую началась 30—40 л. н., и сегодня ландшафтоведов, строго приверженных позициям «школы МГУ», выросшей на идеях Н. А. Солнцева, не так уж и много. У ландшафтоведения, «подпитываемого» самыми различными отраслями науки, остается собственное проблемное поле: это единственная дисциплина, в которой осуществляется синтез пространственно-временных связей компонентов и эле-

ментов природы на локальном и региональном территориальных уровнях. Дальнейшее развитие научного и практического потенциала ландшафтоведения возможно только на континуалистских позициях, с которыми неразрывно связаны представления о динамике ландшафтов как смене их состояний. Будет ли обогащенное новыми идеями и подходами ландшафтоведение востребовано «практиками» — зависит в нашей стране, к сожалению, не только (и не столько!) от состояния самой научной дисциплины... Но, как бы то ни было, хоронить естественно-научное ландшафтоведение в его нынешнем динамическом варианте и создавать вместо него некое «неоландшафтоведение» пока преждевременно.

Список литературы

- [1] Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975.
- [2] Арманд А. Д. Ландшафт как конструкция // Изв. ВГО. 1988. Т. 120, вып. 2. С. 120—125.
- [3] Арманд А. Д., Таргульян В. О. Принцип дополнительности и характерное время в географии // Системные исследования 1974. М.: Наука, 1974. С. 146—153.
- [4] Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 480 с.
- [5] Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Изд. 3-е. М.: Гос. изд. географ. лит-ры, 1947. 398 с.
- [6] Беручаишвили Н. Л. Четыре измерения ландшафта. М.: Мысль, 1986.
- [7] Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Пер. с фр. и предисл. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет, «КДУ», 2011. 392 с.
- [8] Виноградов Б. В. Основы ландшафтной экологии. М.: ГЕОС, 1998. 418 с.
- [9] Гродзинский М. Д. Критерии допустимости и аномальности изменений ландшафтных территориальных структур // Физ. геогр. и геоморфология (Киев), 1990. Вып. 37. С. 51—57.
- [10] Гродзинський М. Д. Пізнання ландшафту: місце і простір. Київ: ВПЦ «Київський університет», 2005. Т. 1. 431 с.; т. 2. 503 с.
- [11] Докучаев В. В. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны Кавказа // Докучаев В. В. Избр. соч. М.: Госсельхозиздат, 1954. С. 396—402.
- [12] Дронин Н. М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии (1900—1950-е годы). М.: ГЕОС, 1999. 232 с.
- [13] Исаченко А. Г. Страницы из истории советской географии тридцатых—пятидесятых годов XX в. (К 125-летию Л. С. Берга и 100-летию С. В. Калесника) // Изв. РГО. 2001. Т. 133, вып. 1. С. 23—33.
- [14] Исаченко Г. А. Дискретность и континуальность в теории ландшафтоведения // Структура, функционирование, эволюция природных и антропогенных ландшафтов. М.; СПб.: Изд-во РГО, 1997. С. 23—24.
- [15] Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 476 с.
- [16] Исаченко Г. А. Методы полевых ландшафтных исследований и ландшафтно-экологическое картографирование. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
- [17] Колбовский Е. Ю. Существует ли природный ландшафт: эпистемологический анализ феномена // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 49—66.
- [18] Крауклис А. А. Проблемы экспериментального ландшафтоведения. Новосибирск: Наука, 1979.
- [19] Ласточкин А. Н. Общая теория геосистем. СПб.: Лема, 2011. 980 с.

- [20] Лебедев С. А. *Философия науки: Словарь основных терминов*. М.: Академический Проект, 2004.
- [21] Методика ландшафтно-геофизических исследований и картографирования состояний природно-территориальных комплексов / Сост. Н. Л. Беручашвили. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1983.
- [22] Преображенский В. С. *Беседы о современной физической географии*. М.: Наука, 1972.
- [23] Раман К. Г. *Пространственная полиструктурность геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР*. Рига, 1972.
- [24] Резников А. И. Проектирование обустройства особо охраняемых территорий Санкт-Петербурга на ландшафтно-динамической основе // *Изв. РГО*. 2008. Т. 140, вып. 6. С. 15—25.
- [25] Семенов-Тянь-Шанский В. П. *Район и страна*. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 311 с.
- [26] Симонов Ю. Г. Пространственно-временной анализ в физической географии // *Вестн. МГУ*. 1977. № 4. С. 22—29.
- [27] Тютюнник Ю. Г. Пролиферация понятия «ландшафт»: почему она происходит и как относиться к ней географам? // *Изв. РГО*. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 66—78.
- [28] Шаши Шекхар, Санжей Чаула. *Основы пространственных баз данных* / Пер. с англ. М.: Кудиц-образ, 2004. 336 с.
- [29] Швевс Г. И., Шищенко П. Г., Гродзинский М. Д., Ковеза Г. П. Типы ландшафтных территориальных структур // *Физ. геогр. и геоморфология* (Киев). 1986. Вып. 3. С. 110—114.
- [30] Forman R., Godron M. *Landscape ecology*. N. W.: John Wiley & Sons, 1986.

Санкт-Петербург
greg.isachenko@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
10 февраля 2014 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 2

© А. А. АНОХИН, С. С. ЛАЧИНИНСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И СОДЕРЖАНИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На рубеже XX—XXI вв. в отечественной общественно-географической науке наблюдается повышенный интерес к проблемам глобализации, что вызвано сменой общественно-политического строя и переходом от одной социально-экономической формации, ориентированной на развитие в пределах социалистической системы государств, к другой — опирающейся на широкую вовлеченность в мировое хозяйство.

На этом фоне происходит теоретико-методологическое оформление нового направления в общественной географии — геоэкономики (подробнее в 12—14, 25—26). Вместе с тем первые геоэкономические идеи в отечественной экономико-географической науке можно связать с именами В. Э. Дена, П. Н. Са-